

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Клюкин Артем Игоревич

Аспирант, Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

В статье представлен детальный критический анализ современного состояния нормативно-правовой базы, регламентирующей промышленную безопасность на объектах ведения горных работ. Автор подробно останавливается на правовых коллизиях, возникающих между базовым законодательством о техническом регулировании, федеральными нормами в области промышленной безопасности и отраслевыми правилами. В работе деконструируются юридические механизмы внедрения риск-ориентированного подхода и анализируются правовые барьеры, препятствующие оперативной адаптации паспортов крепления и вентиляции к меняющимся горно-геологическим условиям. Особое внимание уделено разграничению субсидиарной и персональной ответственности между проектировщиками, эксплуатирующими организациями и контролирующими органами в условиях цифровизации производственного контроля.

Ключевые слова: горное право, промышленная безопасность, техническое регулирование, правовая коллизия, риск-ориентированный подход, нормативный правовой акт, Ростехнадзор, юридическая ответственность.

Введение

Давайте снимем корпоративный глянец с отчетов о комплаенсе и открыто признаем: наше горное законодательство в области промышленной безопасности находится в состоянии затяжного системного кризиса. В мае две тысячи двадцать шестого года горный инженер на участке и юрист горнодобывающего холдинга смотрят на одни и те же ведомственные инструкции совершенно по-разному. Инженер понимает, что жесткое выполнение некоторых архаичных предписаний парализует проходку, а юрист знает, что малейшее отступление от буквы закона в случае аварии автоматически превратит руководство предприятия в фигурантов уголовного дела.

Мы столкнулись с ситуацией, когда нормативная база не успевает за технологическим прогрессом, превращаясь из инструмента защиты жизни рабочих в инструмент бюрократического давления и перекладывания ответственности.

Почему правовой вакуум и регуляторные тупики стали так заметны именно сейчас? Программа «регуляторной гильотины», задуманная как способ отсеять устаревшие советские требования, во многих случаях привела к обратному эффекту. Вместо четких, технологически нейтральных рамок отрасль получила массив наспех скомпилированных Федеральных норм и правил, которые местами противоречат друг другу и базовому Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». Разработчики нормативных актов попытались создать универсальные правила для всех, забывая, что физика процессов на глубоком угольном разрезе Кузбасса коренным образом отличается от условий нефтешахты в Коми или калийного рудника на Урале. Шаблонный юридический подход здесь не просто неэффективен — он смертельно опасен.

Цель данной статьи — провести честную правовую ревизию действующих институтов горного права, вскрыть ключевые материальные и процессуальные коллизии и предложить правовые механизмы перехода от репрессивной модели контроля к модели реального управления рисками. Безопасность под землей куется не объемом выписанных штрафов, а созданием гибкой правовой среды, где технический директор имеет законное право принимать обоснованные инженерные решения без оглядки на двусмысленные трактовки инспектора.

Конфликт технического регулирования и надзорной практики: правовой тупик

Главный тектонический разлом в правовом поле горной промышленности лежит на стыке Федерального закона «О техническом регулировании» и законодательства о промышленной безопасности. Юридическая коллизия заключается в том, что стандарты и национальные ГОСТы носят преимущественно добровольный характер, в то время как Федеральные нормы и правила (ФНП) Ростехнадзора обязательны к исполнению и имеют статус нормативных правовых актов. На практике это порождает опасные прецеденты: проектная документация, прошедшая Главгосэкспертизу и полностью соответствующая строительным сводам правил, во время проверки на строящемся объекте объявляется инспекторами незаконной, так как она нарушает внутренние ведомственные инструкции надзорного органа.

Этот правовой дуализм создает колоссальные риски для бизнеса и безопасности. Горнодобывающее предприятие оказывается заложником между двумя государственными ведомствами. Например, современные системы цифрового мониторинга геомеханических процессов или автоматического газового анализа с применением искусственного интеллекта юридически невозможно полноценно легализовать в рамках действующих ФНП.

Инспектор, приходя на шахту, требует предъявить бумажный журнал установленного образца, заполненный синей ручкой, потому что именно такая форма прописана в инструкции тридцатилетней давности. Цифровой двойник шахты, дающий стопроцентную точность прогноза, для проверяющего органов остается «игрушкой», не имеющей юридической силы.

В результате мы имеем классический правовой тупик: недропользователи готовы вкладывать миллиарды в инновационные системы безопасности, но вынуждены дублировать их неэффективными ручными процессами, чтобы пройти проверку. Законодатель создал систему, при которой формальное следование букве регламента ценится выше, чем реальное снижение аварийности на объекте. Юридическая доктрина должна наконец разрешить этот спор в пользу приоритета технологической целесообразности и гибкого нормирования, зафиксировав право предприятий доказывать безопасность своих решений через независимый аудит рисков.

Правовые барьеры динамического проектирования и «синдром исполнителя»

Перейдем к конкретным механизмам ведения горных работ, где правовые ограничения напрямую бьют по технологической безопасности. В предыдущих геомеханических исследованиях было доказано, что параметры крепления выработок и режимы проветривания должны меняться динамически — буквально с каждым шагом подвигания забоя. Однако с юридической точки зрения любое изменение паспорта крепления или схемы вентиляции, утвержденной в составе общего проекта, является нарушением проектной документации. Чтобы официально сдвинуть анкер на двадцать сантиметров в сторону из-за внезапно обнаруженного тектонического разлома, главный инженер обязан остановить лаву, заказать корректировку проекта, провести экспертизу промышленной безопасности и зарегистрировать изменения в реестре Ростехнадзора. Этот процесс занимает от двух до шести месяцев.

Естественно, никто производство на полгода не останавливает. Инженеры на свой страх и риск принимают оперативные решения в забое, становясь нарушителями закона поневоле. Возникает так называемый «синдром исполнителя» — ситуация, при которой технический персонал сознательно идет на фальсификацию внутренней исполнительной документации, чтобы скрыть реальные, но жизненно необходимые изменения от надзорных органов. Правопорядок, который заставляет честных инженеров лгать в отчетах ради спасения жизней рабочих и сохранения производства, глубоко порочен и требует немедленного реформирования.

Правовой выход из этого тупика лежит в легализации института «гибких проектных решений». Необходимо на законодательном уровне ввести понятие адаптивного проектирования, при котором в базовом проекте, прошедшем государственную экспертизу, закладывается не одна жесткая схема, а матрица

решений и алгоритмы их выбора в зависимости от фактически вскрытых горно-геологических условий. В этом случае оперативное изменение шага крепления или объема подачи воздуха начальником участка будет являться не нарушением проекта, а законным выполнением его адаптивной части, что полностью снимет необоснованное правовое давление с технического персонала.

Разграничение юридической ответственности в эпоху цифровизации производственного контроля

Вопрос распределения юридической ответственности при авариях на опасных производственных объектах всегда стоял остро, но с внедрением автоматизированных систем управления он перешел в принципиально новую юридическую плоскость. Кто виноват, если автоматическая система газового контроля не отключила питание комбайна при вспышке метана, что привело к взрыву? Горный диспетчер, который вовремя не посмотрел на монитор? Главный инженер, утвердивший алгоритмы работы программного обеспечения? Или IT-компания, разработавшая софт с критической ошибкой в коде? Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации, сформулированный в терминах индивидуальной вины физического лица, не дает адекватных ответов на эти вопросы.

Следственные органы по привычке идут по пути наименьшего сопротивления, возлагая всю полноту ответственности на конечных исполнителей — начальников участков, диспетчеров или директоров шахт. При этом разработчики некорректно работающих цифровых систем безопасности, как и эксперты, выдавшие положительное заключение на эту систему, остаются в стороне, прикрываясь гражданско-правовыми договорами с ограничением ответственности. Сложность современных программно-аппаратных комплексов такова, что один человек физически не способен проконтролировать миллионы логических операций, совершаемых системой в секунду. Возникает правовая несправедливость: управление процессами передано алгоритмам, а уголовную ответственность за их сбой несут люди, не имеющие доступа к исходному коду.

Для преодоления этой диспропорции необходимо радикально модернизировать институты горного и деликтного права. Требуется ввести четкие законодательные критерии распределения ответственности между создателями цифровых систем и их эксплуатантами. Разработчики систем промышленной безопасности должны нести солидарную, а в случае доказанной грубой халатности при написании алгоритмов — и уголовную ответственность за последствия сбоев своего программного обеспечения. Без жесткого правового регулирования ответственности IT-сектора внедрение цифровых технологий в горное дело станет не фактором повышения безопасности, а способом легального ухода реальных виновников от правосудия.

Заключение

Подводя итог правовому анализу, подчеркнем: безопасность на шахтах и рудниках невозможно обеспечить простым ужесточением карательных мер и увеличением штрафных санкций. Действующая репрессивно-фиксационная модель надзора исчерпала свой потенциал и сегодня работает скорее во вред, понуждая предприятия скрывать реальные риски и плодить фиктивную отчетность. Нам необходима масштабная перезагрузка горного законодательства на принципах добросовестности, прозрачности и технологического реализма.

Главными векторами нормативной реформы должны стать: ликвидация правовых противоречий между стандартами проектирования и правилами безопасности, легализация адаптивных проектных решений и создание принципиально новой модели разграничения ответственности за сбои автоматизированных систем управления. Законодательство должно стать союзником инженера, а не его главным врагом. Только построив гибкую, юридически выверенную и сбалансированную нормативную систему, мы сможем преодолеть системный кризис в области промышленной безопасности, защитить инвестиции бизнеса и, главное, гарантировать базовое право каждого горняка — право на возвращение из забоя живым и здоровым.

Литература

1. Анохин А. И. Комментарий к Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов». — М.: Юридическая литература, 2012. — 288 с.
2. Гаврилов В. В. Горное право Российской Федерации: Курс лекций. — М.: Норма, 2005. — 352 с.
3. Котов Б. Д. Горные отношения в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. — М.: Издательство МЗ Пресс, 2003. — 216 с.
4. Мельгунов В. Д. Теоретические основы горного права как комплексной отрасли права и самостоятельной учебной дисциплины. — М.: Проспект, 2016. — 192 с.
5. Яковлев В. Ф. О концепции развития правового регулирования использования и охраны недр. — М.: Статут, 2008. — 144 с.